

МАРИЯ
ВАТУТИНА

РУССКИЙ	ГУЛЛИВЕР
---------	----------

ЦЕПЬ СОБЫТИЙ

Мария Ватутина

Цепь событий

НП «Центр современной литературы»

Ватутина М. О.

Цепь событий / М. О. Ватутина — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-117-1

“Цепь событий” — шестая книга стихов московского поэта Марии Ватутиной, лауреата Волошинской премии, премии “Antologia”, премии “Московский счет”, Бунинской премии и других. В книге собраны стихотворения, написанные в 2010—2013 годах. В последних стихах Марии Ватутиной больше сдержанности и меньше бытовых сюжетных стихотворений личного характера, меньше чувствований и больше размышлений, философских категорий и ответов на вопросы, заданные поэтом самой себе.

ISBN 978-5-91627-117-1

© Ватутина М. О.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Ящерка	5
«Неторопливые крещенские...»	5
«Открываешь книгу, оттуда слетает голос...»	6
«А внутри меня кто-то стонет...»	7
Встреча выпускников	8
«Холмы, с которых спуск уже к волне...»	9
«Так хочется писать тебе...»	10
Картошка	11
«Я выпалась – хватило часа –...»	12
«Допустим, что любовь была...»	13
«принцесса династии Ли грозитя убить...»	14
Кормящая	16
«Здравствуй, отдых! За границу...»	17
«Поздняя ночь. Пустой в ночи перекресток...»	18
Колыбельная старости	19
«Чудес не будет в этот раз, не будет никогда...»	21
Памяти собаки Челси	22
«Женщины в доме одни...»	23
«Я умею ждать. Но как же ждать...»	24
«В том классе, где глазастики грызут...»	25
«Рослое дитя иначе пахнет...»	26
Враг мой	27
«Говоришь, любовь? Во цвете лет...»	28
«На юге родины исконной, но второй...»	29
«От моих подушек пахнет небылью...»	30
«С полными вёдрами с мутной водой...»	31
«Лейся, лейся, тихий холод, по спине...»	32
«Обратно ехали – пошел в долине снег...»	33
«Фундуклеевка стояла на урановом плато...»	34
Отдельные места из письма Санта Клаусу	35
21 января	36
Тиран берет самоотвод	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Ватутина

Цепь событий новые стихи

Ящерка

«Неторопливые крещенские...»

Неторопливые крещенские
Дни тянутся на тормозах.
Подтверждены тревоги женские
Движеньем жизни в телесах.

Душа беременна победами,
Земля застыла, словно та,
Которой только что поведали
О тайной ноше живота,

Вот оттого-то всё и замерло,
Что здесь, в имени простом,
Известно про потоп и зарево
И про спасение потом.

«Открываешь книгу, оттуда слетает голос...»

Св. Кековой

Открываешь книгу, оттуда слетает голос,
Разрастается хлебом дивным высокий колос,
Излучает накопленный свет от дневных светил.
Тает мякотью сладкой, словно Господь простил.

Простирается нежной песней строка земная.
Урожай у вас, а у нас еще посевная.
Ах, спасибо, голос, за вина твои и брашна.
Мне в такую завтра дорогу, что страшно, страшно.

По морям, морям мне плыть, по волнам зыбучим.
Расторопным ветром быть тяжеленным тучам,
Плыть на голос, криком немым округляя уста.
И выходить на сушу робко одной из ста.

«А внутри меня кто-то стонет...»

А внутри меня кто-то стонет,
Словно он святого хоронит.
А внутри тебя кто-то плачет,
Будто в сердце грешника прячет.
Вот сойдемся мы и стенаем:
Как друг друга мы понимаем.
Разойдемся, ношей болея,
Думая, кому тяжелее?
А тому, кто, чист от корыстей,
О своем кричит голосистей.
Столько весит голос порою,
Что врастаешь в землю горою.

Встреча выпускников

Когда она вернулась из Берлина, куда свела военная судьба, в ее немецком профиле Ирина не узнавалась вовсе. Худоба, на лбу кудряшка, пиджачки плечисты, поджаты губы, брови словно нить... Ходила мать и охала: фашисты! И каждый час пыталась накормить. А та глядела – еле выносила. Похожая всем видом на змею, на ящерку (сказать кому!) носила на людях брюки! в нашем-то краю!

И обе знали: будет обывканье болезненным и долгим. Вот тогда раздался им звонок. Сквозь заиканье сказали в трубку: «Встреча сквозь года».

Она ушла на гибель с выпускного. И сотни раз погибла *на*прочь. Но ей появиться в этой школе снова велели педсовет и гор. РОНО.

Ты думаешь, ей были эти Лены, Варвара, Николай или Андрей по барабану? дескать, перемены такие в жизни, что ауфидерзейн, видали мы, немытая столица, весь этот твой десятый класс в гробу!

Да, ей на фронте снились эти лица, когда спала под грохот и стрельбу!.. где кто сидел... с кем во дворе играла... и наизусть по памяти во сне она их имена перебирала... Такие сны у юных на войне.

И, обойдя руины и ухабы, она дрожала, стоя у стены: да наберется ль дюжина хотя бы таких же вот, вернувшихся с войны...

Чего скрывать? Целехонек и полон, собрался весь ее десятый класс. Не потому что выжили, бесспорен тогда бы был и благостен рассказ. А потому, что в той московской школе учились дети правильных отцов. Никто из них погибельной юдоли не допустил для правильных юнцов.

Могу представить, как, пустые с виду, от натиска не стреляных друзей, катились слезы счастья и обиды по впалым скулам ящерики моей. Не жалко, пусть живут себе, «герои». Но не было прозрения страшней: знать, учат не тому в советском строе, раз вся Россия держится на ней.

«Холмы, с которых спуск уже к волне...»

Холмы, с которых спуск уже к волне,
Сегодня миражом предстали мне.

Я вскрикнула, я ту узнала реку,
Едва взглянув на стылые вверху
Предгорья. Я унюхала калеку —
Паромщика и лодочки труху.

Мне голос был вот-вот с природой слиться,
Как будто так в условии дано:
Идти к реке и мертвой становится,
Поскольку снова жить исключено.

Но холм растаял и река исчезла.
Лишь разболелись чувственные чресла,
И, мне под ноги трудный путь стеля,
Выкидывало небо фортея.

«Так хочется писать тебе...»

Так хочется писать тебе, что вот не удержалась и пишу. Читай же. Так хочется любить, что небосвод сужается и не пускает дальше пирамидальным куполом своим. Что над вершиной этой пирамиды так ярко светит? Что там, кто ответит? Ответь хоть ты, давай поговорим.

Любовь моя не ведает стыда, поскольку одиночка и тигрица, она – в колодце звездная вода, но если жаждешь, приходи напиться.

По телу пробежит тепло и свет. Не жаждущим не подходи к колодцу. Любовь моя – моя, она дается мне раз в столетье, наполняя, нет, переполняя штольни и волной смывая на пути своем хибары, устроенные женами в стальной стране, где мне не выковали пары.

И вот к концу подходит с мерзлотой очередной столетний поединок. Я наполняюсь влагой золотой, и родники забили сквозь суглинок. Я ногти приготовилась стачать, источники любви ища по нюху, я кожу научилась истончать о воздух, нищий, как пристало духу.

Но как приливам тихая Луна, ты – лишь пособник этому земному преображению. Вот, идет волна, теперь со мной все будет по иному, теперь-то я как пить дать налюблюсь за все века безлуния, за это молчание планеты, эту грусть, которую избыть поможешь мне ты. Под купол вознесется океан, и разопрет небесные покровы, и лопнет небо, и прорвет фонтан такого света, что прозреют совы, все спящие проснутся – столб огня уходит ввысь, где небо покосилось и стало небосклоном. Я влюбилась, порадуйся, любимый, за меня. Вот этим я делюсь, вот этим вот. Такая новость, страх бежит по венам. А то, что ты причастен к переменам – вторая новость, не бери в расчет.

Картошка

Фрукты-овощи. За стенкой дух сырой.
За заляпанным стеклом халат с дырой.
Черный белый укороченный халат.
Несгибающихся пальцев мертвый взгляд.

Длится очередь вдоль мутного стекла
Из окрестного рабочего села,
Из Рабочего поселка у Серпа.
Длится очередь, убогая толпа.

За картошкой мы стояли битый час.
Потому что: ждите, ждите.
Ждать так ждать.

Щедра родина всегда поила нас,
Но березового столько не сожрать...

У авоськи есть семантика своя —
На «авось» стояла очередь моя.
У картошки черный лик, нутро бело.
Это ты, мое Рабочее село.

Под прилавком деревянный скат в стене.
Там картошка в сумку сыплется ко мне.
Это я картошкой сыплюсь в тот проем
В невозможном белом небе голубом.

Столько брали, сколько можно унести,
Надрывая всё «хозяйство» к десяти.
Мать — с работы. Наклонялась, как к врагу:
— Ну, чего ты притащила мелюзгу!

«Я выпалась – хватило часа –...»

Я выпалась – хватило часа –
И вновь проснулась в темноте.
Мне снились ты и сын. Терраса,
Парад, котлеты на плите,
По улице плывет рекою
Толпа. И глажу я рукою
Живот округлый...

но пуста
На ощупь ночью темнота.

... Нет, снилось мне, что на коленях
Я вновь стою перед тобой.
Веранда в подмосковных тених,
Латунный самовар с трубой,
Чужая дочь тебе ребенок,
Искусственная родня
Пьёт чай полуденный. Спросонок
Всё помню – ты убил меня.

Я выглянула. Ночь бела.
Утихло месиво метели.
И разметались два крыла
Подушек по моей постели.
Не стало шествия внизу,
Умолкли лозунги парада.
Сгорели дачники в грозу.
Все было так, как мне и надо.

Так мне и надо, поделом:
Вот этой странною виною
Сны истязать и бить челом,
Чтоб оставался ты со мною.
У всякого свои блесны
Вытягивать из недр озимый
Свой ад. Мой ад упрятан в сны,
Особенно, где ты, любимый.

«Допустим, что любовь была...»

Допустим, что любовь была. Допустим, бегала на встречу. Допустим, зная, что лгала, супруг кидался: «Изувечу!» Допустим, бил. Допустим, вслед рыдал в оборки кружевные и распалялся, мочи нет, и покрывал, как все земные мужья, но думала и там, под ним, почти что утопая в подушках: вот где чистый срам, а я святая, я святая. Допустим, думала: он бес, в шерсти, и любит, словно режет.... А тот сложен, как Ахиллес, как Дионисий пьян и нежен! Допустим, дочь своей татап, к французским ласкам больше веры примеривала. А роман вот с этим дикарем – химеры! Расправился через детей с осиной талией, расставил грудную клетку... Бог, ей-ей, все только на места расставил.

Допустим, думала она: Бог любит грешников, и двор же не заподозрит, ведь жена уже сговорена у Жоржа. Ах, мало нравиться двору, хотя и в этом пульс азарта. А вдруг сегодня я умру, что мне останется на завтра?

Так могут только в двадцать пять любить по-африкански пылко...

Допустим, нечего терять, когда по Питеру рассылка...

Допустим, что дуэль и... пам! – муж мертв и жив любимец света, когда б оплакивать не нам, допустим, лучшего поэта.

«принцесса династии Ли грозитя убить...»

Ирине Ермаковой

принцесса династии Ли грозитя убить
царицу династии Ли¹
сто семь мудрецов доставали свои бутылки
и пили настойку из трав с островочка вблизи
границы решали с чем это в связи
принцесса династии Ли грозитя
убить царицу династии Ли

пока разгоралась вражда и рождались для будущих войн
три тысячи мальчиков в семьях с обеих сторон
старела принцесса старели царица и сто мудрецов
а семеро бросились в море на радость тунцов
в династии Ли как могли центрифугой вращали гонцов

то гонит принцесса царице посланье верни и конец
то гонит царица ответ не отдам не проси
а кто виноват ну естественно чертов гонец
и р-раз в процедурный его в харакирную Будда еси
и гонят и гонят хоть ихних святых выноси

уже разгадали все тайны и всё уже изобрели
и чай попивают и шелком весь мир оплели
и царства соседние сами сменились собой
и суша распалась на части в воде голубой
ан все беспокойно в династии Ли
цветков бы добавил сюда ай-люли

царица боится что все повторится как с сонным Анко²
почти не ложится ну полный уже иванько
принцесса предмет вожделеет который остался в плену
у матери ейной царицы клянется стяну
войну объявлю уничтожу дворец подпалю
династию Ли нашинкую в династию Лю

когда новолунье приходится вновь
на какой-нибудь их мацури³
контроль за династией всей ослабляют цари
заходится волнами масенький остров Кусю

¹ Династия Ли – вымышленная династия, звучащая бы по-японски «Ли»

² Анко – император, заколотый во сне малолетним принцем Маёва

³ мацури – праздник

принцесса кричит по-японски сясь нось откусю
царица как львица рычит ни за сто ни прошю

ах вы мудрецы и чтецы не берите в расчет
какой им предмет исторически спать не дает
японский горшок гребешок ремешок порошок
ну словом чего не кладут в погребальный мешок

ах этот горшок разумеется дорог и мил
и той и другой им царицу сам царь наградил
но хочет и царская дочка горшком обладать
он будет ей напоминать про японскую мать
про детство и юность где он и обязан стоять

и хочется крикнуть династия Ли а династия Ли
а вы между прочим в согласии жить бы могли
в любви и согласии в неге духовных стяжатели благ
ведь чуть что не так под ногами архипелаг
у вас начинает плясать словно Вита святой
уж лучше бы вы занимались ей-богу синтой⁴

к чему с самурайской упертостью в складках Земли
нам так ненавидеть друг друга династия Ли

⁴ синто – японская традиционная религия

Кормящая

Этой женщине с млечной грудью,
С перепроизводством, с ртутью
Вместо взгляда, с младенцем,
На бедре восседающим, с добрым сердцем,
Но пустым кошельком испокон
Веков – мой поклон.

Родилась прожорлива я и криклива.
В системе вечного недолива —
Сразу росла юристом. Мать злюща,
Но поняла, что лучше меня кормить лучше.
У Елоховки, в доме, где живет Наташа
Ванханен, нашлась молочная мне мамаша.

Благословенна ты, подобная козе Дерезе,
Женщина! Кланяюсь молочной твоей железе
Огромной, намокшему платью, братцу
Молочному или сестре, молочному братству,
Замыкающему кольцо советского голодомора
На доме возле Елоховского собора.

«Здравствуй, отдых! За границу...»

Здравствуй, отдых! За границу
Дома, службы и плиты!
Не в тюрьму, но в больницу
Заполняю я листы.

Мне вопрос среди прочих склизких
Шлет приемный их покой:
– Телефоны ваших близких
Для летальности какой?

Понимаю, погибаю
И границу не пройду:
Я без близких прозябаю,
Я вообще как тип – гряду.

То есть не к кому из росов
Будет срочно позвонить.
Будет в смысле оргвопросов
Некому похоронить...

Интересно. Интересно.
Ставьте прочерк. Никому
Не звоните, им полезно.
Пусть не знают. Я пойму.

Рай постельный ал и жарок,
Пахнет серою бельё.
От меня вам всем подарок —
Одиночество моё.

«Поздняя ночь. Пустой в ночи перекресток...»

Поздняя ночь. Пустой в ночи перекресток.
Чего же мне не хватало? Любви с наперсток,
Здоровья с гулькин нос – тащить холостую лямку.
Понятливого бога (и лучше – самку),

Всего понемногу, глядишь, и пришлось бы впору:
Мужества – бросить златоглавую эту Гоморру,
Взбитых сливок морской пучины,
Старости без кручины.

Так размышляет моя героиня, куря с балкона.
И это скоро отнимут статьей закона.
Будешь ходить курить на соседний атлас.
Но, глядишь, перестанут пускать даже в ад нас.

Колыбельная старости

Баю-баюшки-баю,
Белу голову твою
Я руками обовью,
так.
Не ложися на краю,
Не ложися на краю,
На краю – мрак.

Баю-баю-баюшок,
Напишу тебе стишок.
Спи от смерти за вершок,
жив.
По земле идет слушок,
Бог, как юный пастушок,
лжив.

Не ложися на бочок.
Придет серенький волчок,
Ангел смерти, червячок,
Тлен.
Я, молочная – молчок.
Я – спасенье, маячок,
Плен.

Баю-баю, баю-бай.
Никогда не засыпай,
страшной лаской осыпай.
Ох!
А оступишься за край —
Принимай тебя твой рай,
А в раю Бог.

Закрывай свои глаза,
Образы и образа
Затуманятся и за-
мрут.
А что высохла лоза,
Выгорела бирюза —
Врут.

Баю-баю, сладко спи.
Белых ангелов лепи,
Лепечи, не торопи
Кровь.
Смерч промчится по степи,

Ты его перетерпи
Вновь.

«Чудес не будет в этот раз, не будет никогда...»

Чудес не будет в этот раз, не будет никогда.
А если не родится Спас – не вспыхнет и звезда.
Брат иорданскою водой чело не остудит.
Но будет белый снег зимой, и мать дитя родит.

Все чудеса прошли давно, не в наш случившись век.
В вертепах пусто и темно, в пустынях – белый снег.
Полно угрюмых женских тел в автобусных телах.
Но мир устроен, как хотел Господь или Аллах.

... В рассветной мгле фонарный свет, а в свете снег
стенной.

О Господи, тебя ведь нет, не говори со мной!
Движеньем странным в снежном сне меня не настигай,
Постой, не подходи ко мне, дыханьем не пугай.

Мы так обвыклись без чудес, мы перестали ждать.
У нас такой банкет бес, тебе не передать.
Нас подготовили уже, к тому, что в этот раз —
Мы на последнем рубеже. Не приходи сейчас.

Не появляйся! Не смотри! Не надо, отвернись!
Мы умираем изнутри, проваливаясь ввысь.
Вон едут женщины гуртом без света и надежд.
Но (показалось или нет?) из норковых одежд
Слегка мерцает темнота усталого чела,
Как будто при смерти мечта, но вся не умерла.

Памяти собаки Челси

Ох, ты, горе-горькое – умора,
Не с кем слова молвить, ё-моё.
Я хочу собаку лабрадора,
Чтоб на шее виснуть у нее.

Чтобы говорить с ней без умолку,
Целовать в лицо, чесать бока,
Класть ладонь на бежевую холку,
...Безмятежно глядя в облака.

Я, во всем бы ей бы потакая,
Не боялась тяжких лет и зим.
У моих друзей была такая.
Как же я завидовала им!

Надо мною жизнь до слез смеется:
Закруглился лабрадорский век.
Впрочем, может быть, еще найдется
Мне другой хороший человек.

«Женщины в доме одни...»

Женщины в доме одни.
После вечерней грызни
Угомонились они.
Спи, моя радость, усни.

Вот и пришла тишина.
За занавеской Луна
Светит на ту, что юна,
Смотрит лежит из окна.

...В этом рассказе простом
Речь ведь идет не о том,
Что в их семействе святом
Обе – с обугленным ртом.

Часто бывает: в ночи
Пьяные звякнут ключи.
Гулко, молчи – не молчи.
Страшно, кричи – не кричи.

Лезет разбойник, причем,
В дверь нажимает плечом
И потрясает ключом,
Как крестоносец мечом.

Но не о нем, не над ним...
Тщетно его мы браним,
Вам я толкую, родным:
Женщинам страшно одним.

В жизненности этих слов
Главная разность полов.
Где нам до умных голов!
Выжить, всего и делов.

«Я умею ждать. Но как же ждать...»

Я умею ждать. Но как же ждать,
Если жизнь не балует нисколько?
Долго я училась не желать
Ничего, что хочется, но колко.

Научилась. И теперь боюсь
О любви загадывать и благе.
Это свойство наполняет Русь
В каждом отщепенце и бродяге.

... Не раскрою тайны, хоть пытай —
Чем, заветным, голову кружит мне.
Хоть разочек согрешить мне дай,
Господи, еще при этой жизни.

...Вырвалось. Обратно не поймать.
Дрогнул свет, надежду уличая.
Хорошо, что я умею ждать
Ничего взамен не получая.

«В том классе, где гластики грызут...»

В том классе, где гластики грызут
Гранит наук, и половину – сгрызли,
Жил мальчик, скажем, Сашею зовут,
Иль девочка жила в каком-то смысле.

Неважен пол и имя. Одного
Его гнобили: клички и подколы.
Ребенок был последним, у кого
Был вообще отец из всей из школы,

... В том смысле, что звалась его семья
На редкость полной в личном деле Шуры.
За это вот сироты-сыновья
Ребенка били после физкультуры.

Не понимали классики они:
Кто «слышишь, пилит» там, в лесу, дровишки,
Кто «тятя, тятя, наши сети...» – ни
одной ассоциации в умишке!

Наткнувшись на подобное словцо,
Вдруг замолкали в детской думе тяжелой.
Одно сияло гордое лицо,
Которое и били всей шарашкой.

«Рослое дитя иначе пахнет...»

Рослое дитя иначе пахнет
И другие вещи говорит,
Учит про «Кашей над златом чахнет»
И в Контакте на ветвях сидит.

Там, в Контакте, у него завязки,
Словно рыба в море, входит в мир.
А еще вчера сидел в коляске
И любил овсянку и кефир.

Лишь вчера младенец, ангелочек,
В бархатной одежке покупной,
Он, краснея, пишет пару строчек —
Коммент Маше, девочке одной.

Пятиклассник. Первая влюбленность.
Ужас и смятение на лице:
Под ногами холод и бездонность,
Ждать чего в начале и в конце?

Тихо плачу – есть такое свойство —
Словно только что он стал ходить.
Это я от радости, не бойся:
Сын впервые пробует любить.

Это вроде запуска ракеты:
Мол, «полет нормальный» в облака.
Лучшая из класса Маша эта,
И красивей всех наверняка!

Взгляд телячий до сих пор у чада,
Но теперь спокойна за него,
И сама, как чумовая, рада,
Что она прифрендила его.

Враг мой

Когда война закончилась, я в плач не бросилась, а, выдохнув устало, врага, который всё ещё горяч, не замечая, мимо прошагала. Вот это вот победа и была, поскольку суть победы – безразличье. А то, что я к обедне умерла, так это дело девичье, девичье. Бывало, восставала, и не так еще испепеленная, и сдать я могла себя врагу, но этот враг вдруг видел, что на мне лежит проклятье: непобедимость.

– Чур меня, – шептал, и вождедея, и страшась бесстрашной любви моей.

А в облаках витал душистый запах битвы рукопашной. Кружились белых ангелов земли воздушные тела, узоры строя. Свои врата, снимая крюк с петли, моим подаркам открывала Троя. И полбеда, и полпобеда мне вменялись – пожинать утехы мира, порою так горячие в слюне, как зернышко кофейное, как мирра.

Ну, что же, враг мой, сядем пряжу прясть, чтобы хоть чем-то удержать друг друга. Поскольку – суть войны – огонь и страсть, противоборство севера и юга. А суть победы выше. Это – плен. Вот оттого-то и горчит гортань мне. Один из нас попасть был должен в плен пожизненный в моей опочивальне. Для этого и шла с тобой война... любовь... война... я путаю понятия... Ты побежден, и я побеждена, зане внесли редакцию в проклятье.

Не стой, как говорится, на ветру, не жди войны, я от войны устала. Тем более я пленных не беру, вот только пленных мне и не хватало. Не провожу вторжения межу и на могилах не пляшу незримо. Я прохожу и взгляд свой отвожу, взирая мимо, мимо, мимо, мимо.

«Говоришь, любовь? Во цвете лет...»

Говоришь, любовь? Во цвете лет
Я одну знавала, было дело.
Да на мне живого места нет
От ее расправ и беспредела.

Магмой растекалась, беленой
Прорастала без противоядий.
Как я вышла мудрой и стальной
Из ее магических объятий?

Удивляюсь, что еще жива.
Как мне удалось ее умаслить?
Чем я откупилась от родства
С той, кто убаюкивает насмерть?

Приходила. Приводила – на,
И на царство возводила сына.
У меня порезана спина
на ремни, и взрыхлена брюшина.

Я ее бежала, как огня,
Избегала городов и гульбищ.
Но она опять нашла меня.
Ну, входи. Погубишь, так погубишь.

Душу вознесешь, так возноси:
Знаю, учудишь, чего не ждали.
Только так и любят на Руси —
Через сумасбродства и печали.

Будь что будет: вот он, ясный свет,
На крючок пальто в прихожей крепит...
Где же пропадал ты столько лет,
Что прошли и жизнь, и страх, и трепет?

«На юге родины исконной, но второй...»

На юге родины исконной, но второй,
В каком-то городке, не видном глазу,
Живет моя знакомая – ни разу,
За двадцать лет не ссорившись со мной,
Но чем-то там беся Ливан и Газу.

Она всегда была врачом в Москве,
А там пенсионерка, ибо – старость.
И так ей тесно там, что в голове
Не сходится: да как же с нею стало
Все то, что стало, словно жизнью – две.

Она, конечно, Израилю дочь,
В Цва-хагану, нечай, пускала внука.
И если рядом взрывы и галдеж,
Она крепится, не подаст и звука,
Когда бомбят. В ней страха ни на грош,

Но страшно мне, когда у них война.
Казалось бы – уже чужие тетки.
Но я вот так и вижу, как она
Спускается в подвал своей «высотки»,
И так ей страшно, что сама – страшна.

И так ей страшно, что не дай господь!
А дай ей снова страхи побороть
И выйти на поверхность Иудеи,
Сажать вручную горные сады,
Растить детей и не познать беды
Как современной мировой идеи.

И пусть она не думает в ночи,
Об этом ли мечтали москвичи,
Когда в обетованный грунт осели...
Короче, я волнуюсь. Столько лет
Я вместе с ней под взрывами ракет.
Волнуюсь я об этой тете Нелли.

«От моих подушек пахнет небылью...»

От моих подушек пахнет небылью,
Радостным сбывающимся сном.
В комнате с иссохшеюся мебелью
Вспыхнул порох о тебе, земном.

Бьется в окна шаровую молнией
Память, исчезающая во мглу.
Облик твой, целованный, намоленный,
Засветился в правильном углу.

Это значит, хоть какой огарочек
От души остался в закромах.
Я готовлю для тебя подарочек,
Принятый в высоких теремах.

Я могла не ждать тебя, отчаяться,
Выгresti надежду из углов...
Дождалась же!

Вот и получается,
Что бывает вечная любовь.

«С полными вёдрами с мутной водой...»

Ю. К

С полными вёдрами с мутной водой
Встретишь меня по дороге в трехзвонное
Наше Мураново. Ты – молодой,
Я – нереальная, я – не рожденная.
Ты со свирелью, и нимб золотой.

Нимб золотой, и травинка во рту.
Нимб золотой, потому что ромашковый.
Лель да лелея, в меня, сироту,
Ой, не влюбляйся, о прошлом не спрашивай,
Мутной водою прольюсь в пустоту.

Сколько на свете ты жил до меня,
Столько и мне за тобою донашивать
Нимб золотой, над прудами звеня,
Наши ромашки в Ашукине кашивать,
В чаще аукаться, эхо дразня.

Песни твои заучу наизусть,
Пересекая твоё отражение,
Тень на тропе, отступления путь.
Мне и самой проходить сквозь сожжение
К взлету, Снегурочке-дурочке. Пусть.

«Лейся, лейся, тихий холод, по спине...»

Лейся, лейся, тихий холод, по спине.
Кто на этом свете вспомнит обо мне?

В ливне сумрачном, в сиянье золотом
Лишь на том о нас вздыхают, лишь на том.

Мы умрем, и преумножится запас
Тихих ангелов, вздыхающих о нас.

Сизым голубем когда-нибудь потом
Прилечу сюда в сиянье золотом.

Я сама сейчас на голубя гляжу,
Сыплю хлеб ему, об умерших тужу.

Тени, тени окружают, шелестя,
Не боюсь вас, но не трогайте дитя.

Лишь меня одну влеките в хоровод,
Пусть любимые глядят на нас с высот.

Скоро небыль перевесит нашу быль.
Возвратится кто один меня любил.

«Обратно ехали – пошел в долине снег...»

Я клянусь, что это любовь была...

Булат Окуджава

Обратно ехали – пошел в долине снег, вершины гор заволокло туманом. У города автобус взял разбег. Поездка разрешилась вдруг романом, поскольку был там нужный человек, **ей** нужный так, что не случись его, она бы умерла, скорей всего, вот прямо там, взлетев над древним станом.

Борт двигался подобием креста, вибрировал сквозь бурю аэробус. Зияли всюду пустотой места: внутри и вне. Под ними скрылся глобус, накрылся медным тазом — всё! черта! Ее вдруг осенило – снег в горах был **знаком** им. В нее вселились страх за глобус и любовной муки робость.

Ревел мотор в груди и вовне, уже дымился тот, который – в неге. Она решила: «Вся беда – во мне!» Но дело было в небе, в небе, в небе! В ночной, сожравшей Землю, пелене.

Она и после пару-тройку лет на самой одинокой из планет искала Землю во всемирном вебе.

Они сидели порознь на борту. В салоне тусклом сон сморил летящих. Она воображала наготу его и поцелуев леденящих взаимный лепет, трепет, маяту. И в том бреду – одна ее рука была – ее, другая – что слегка увлажнена – его рукой. Среди спящих он где-то (где – не ведала она) сидел, смотрел, не видя, в отраженье, в запорошённый пеплом круг окна и понимал: она его мученье, она и это зарево без дна.

В конце концов, его расплавил жар неведенья. Давно забытый дар, покинувший его без разрешенья, вдруг возвратился: он опять любил. Пульсировала плазма круг за кругом. О как бы всё сложилось, если б сил хватило им тогда сойтись друг с другом! не мешкая, покуда жарок пыл.

Но словно током – господи еси – ударило: прорезалось шасси, взрыхлило пелену рычащим плугом.

Она вот так и шла: в руке – рука. Аэродром —пустыня ледяная. Впустив их, вновь сомкнулись облака над городом, где жизнь течет иная, а тоже – выси, пастбища, река. Но при-тяженья сила такова, что хлястик отлетел от рукава, когда любила, рук не расцепляя.

Любовь легка, и быстры на подъем ее ворсинки, запахи, соцветье! Но мы не в небе, в небыли живем, полуночной. Пройдет тысячелетье, пока они не встретятся живьем.

О, я клянусь, любовь была, была! Она по небу полому плыла. Им потому и выпало бессмертье...

«Фундуклеевка стояла на урановом плато...»

Фундуклеевка стояла на урановом плато.
Вот с тех пор-то и пошли у нас в роду незнамо кто.

То уроды, то пьянчужки, то поэты, то шиза.
Уж казалось бы в Москву перебрались, и гены – за.

Древо наше подкосилось, корневища сожжены.
То у мужа импотенция, то спайки у жены.

Все бесплодны, все безмозглы, все на сторону глядят,
Умирают во младенчестве и в старости чуют.

А случись какое чудо – сыновей не признают.
Матерей-то не жалеют, на отцов помои льют.

Умирают в одиночестве, рождаются в толпе.
Словом, братцы, радиация, в натуре, и т. п.

А бывает, выйдешь в поле или, скажем, в лес какой,
Всю-то дурость на мгновение снимает, как рукой.

И тогда-то вот несчастье, и тогда-то вот беда:
Всею шкурой ощущаешь, кабы не уран тогда,

Как бы можно было б эту жизнь отпраздновать всерьез!
И... обидно... так обидно... ну обидно же до слез!

Отдельные места из письма Санта Клаусу

Миленький добренький щедренький Санта Клаус!
Пожалуйста, пусть здесь окажется доктор Хаус!
Не мечтаю я ни о богачах, ни о красавцах.
Повернута на мерзавцах...

Скажи ему, что у меня диагноз...
в общем, будет чем насладиться:
Если вижу мерзавца, не могу не влюбиться.
Хроменький, он войдет в прихожую, в январском дыму.
А я ему обойму.

По-русски его защищу от американских гадин,
Не понимающих, как он, в сущности, травояден,
Я по щетине его проведу рукою: вжить-вжить.
И станем мы жить.

Он меня подлечит, я его исцелю по полной.
Он у меня забегает лучше российской футбольной сборной.
Миленький Санта, в России нас лечит – бег.
Побежит и Грэг.

Как же я люблю его подначки, его примочки,
Эти его ночевки в морге, просверленные височки,
Внезапные вырывания капельниц из вен и кровавый пот.
Как заводит это простой народ.

Как не хватает этого в жизни обычной бабы.
Лимфомы, бластомы, почки, мозги. Хотя бы
Взять шестой сезон, где Хаус вскрывает себе бедро.
От него исходит добро!

Санта Клаус, познакомь меня с этим мужчиной.
Знаю, Хаус меня полюбит со всей моей мертвичиной,
Вскроет брюшину, пройдет по мозжечку.
Сохну я по этому мужичку.

Сдохну, если не увижу его на Рождество или на Новый год.
Всё отдам за его диагностику и подход:
Кровь менять – меняй, вскрывай черепную коробку.
Блажь, но
После этого ж и умирать не страшно.

21 января

В Мавзолее праздник, годовщина, так сказать.
Январь. И нетопырь,
мумия в костюме, как мужчина, ждет меня,
как женщину, на пир.

Тридцать лет и три неполных года я жила с ним,
думала что он
вечен, что вокруг и есть свобода, детство,
юность, комсомольский гон.

Было мне заorno и престижно,
что среди номенклатуры всей
мой-то – в устном творчестве и книжном —
самый человечный из людей.

Если посылал он на картофель, целину ли БАМ, еще куда,
этот чистый мускулистый профиль возбуждал
как больше никогда.

Я под ним и чистилась, и млела, и имела точный идеал
мужа, потому и не сумела жизнь сложить,
как доктор прописал.

Вот вхожу. Ах, что с тобою стало!
Кто тебя вот в это нарядил!
Высох, завсегдатай пьедестала,
красного террора командир.

Что там говорить, пожалуй – правда:
я тебя любила, что уж там.
Ты меня малюткой разодрал-то,
мне и невдомек, что это срам.

Мне и невдомек всё время было, за какие доблести люблю!
Ну, здорово, что ли, чикатило,
дай тебя по-свойски порублю.

Чу, беззубый, опален и вспенен,
рот стремится выплюнуть картечь.
Спи уж, горе, гениальный Ленин,
тлей себе отсюда, не перечь.

Тиран берет самоотвод

Тиран берет самоотвод.
Иссохла деспота десница.
Нога, топтавшая народ,
Как шлейф кровавый волочится.
Тиран берет самоотвод.

По знаку свыше, может стать,
По состоянию здоровья?
Пресытился невинной кровью?
Учуял заговор опять
И вспать?

Вот он прищурил рыжий глаз
И посмотрел в лицо народа:
– Вам нужен новый воевода,
Я больше не гожусь для вас.
(Да не коснется вас свобода,
А лишь проснется в вас она —
И вам хана).

В смятенье бесконечный зал:
Тиран, перебирая деток,
Преемника им не назвал
И скопом проклял напоследок.

Но стреляные мы стрелки —
Играть умеем в поддавки
И знаем все ходы тираньи.
А что он шурился: искал
В толпе предательский оскал
Иль состраданье?
Ему, тирану,
По барабану.
После него хоть потоп.
Старик пропыленный
Устал быть иконой.
Хлоп.

Хлоп.

Хлоп.

Овация. И вот тиран
На новый срок во власть посажен.
«Пугни свободой россиян,
Попрет такая дрянь из скважин!» —
Он думал, в Кунцево спеша,
Жалея Ваську и Светлану

В преддверье смерти. Но душа
Не полагается тирану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.